

Новая волна русского национализма? Как изменилось общественное мнение после Крыма

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 362
Май 2015

Михаил Алексеев, *Государственный Университет Сан-Диего*
Генри Хейл, *Университет им. Джорджа Вашингтона*

Как изменили восприятие россиянами своих этнической идентичности, нации, а также государственности такие драматические события 2014 года как аннексия Крыма и развязывание ожесточенного вооруженного конфликта в восточной Украине? Одни полагают, что эти события способствовали резкому росту ксенофобских настроений и русского национализма, что ознаменовало собой новый этап в политике российской идентичности. Другие задавались вопросом о том, насколько серьезными оказались изменения в реальности. Данные двух общероссийских опросов, проведенных в мае 2013 года и ноябре 2014 года, показывают, что переживаемое Россией можно скорее охарактеризовать как эффект «сплочения вокруг лидера», нежели как рост национализма сам по себе. Отчасти это можно объяснить тем, что русский национализм был силен еще до начала кризиса в Украине, из-за чего происходящие события (за исключением очевидного роста негативного отношения к украинцам) скорее легли на ранее существовавшие настроения, чем трансформировали их. Вместе с тем, существенно изменился уровень поддержки Владимира Путина, который вырос в более чем полтора раза по сравнению с маем 2013 года; в то же самое время выросла озабоченность социально-экономическими проблемами. Все эти данные указывают на то, что основное влияние событий 2014 года на общественное мнение состоит в создании «эффекта сплочения» вокруг Путина лично, а не в трансформации общественного сознания с возможной выгодой для Кремля в долгосрочной или даже в среднесрочной перспективе.

Исследования общественного мнения в рамках проекта NEORUSS (2013 и 2014 гг.)

Социологические опросы, данные которых мы анализируем, были проведены признанным и авторитетным российским центром изучения общественного мнения «Ромир» в рамках проекта «Новый русский национализм» (NEORUSS) Университета Осло, проводившегося при финансовой поддержке Исследовательского Совета Норвегии в 2013 году и Фонда Фритт Орд («Свободное слово») в 2014 году. Научными руководителями и организаторами опроса были Пол Колстё и Хельге Блаккисруд. Первый опрос проводился с 8 по 27 мая 2013 года, задолго до украинского кризиса, на основе репрезентативной общероссийской выборки из 1000 респондентов методом личного интервью. Во втором опросе, проведенном с 5 по 18 ноября 2014 года, были повторно заданы большинство вопросов из исследования 2013 г., а также ряд новых вопросов для оценки воздействия кризиса в Украине и последующего вооруженного конфликта. Этот новый опрос проводился в соответствии с той же самой методологией и охватывал 1200 респондентов. При анализе ряда тем мы также имели возможность выявить долговременные тенденции в общественном мнении, обратившись к данным всероссийского опроса о межэтнических отношениях 2005 года с участием 680 респондентов, организованного Михаилом Алексеевым и проведенного Левада-центром.

По-настоящему значительного роста националистических настроений не отмечается

Опросы NEORUSS не обнаруживают серьезных свидетельств роста националистических настроений среди россиян в период между маем 2013 года и ноябрем 2014 года. Гордость за свою этническую принадлежность и российское гражданство, поддержка привилегий для национального большинства и восприятия национальной самобытности России изменились лишь незначительно. Фактически, эти настроения оставались по большей части практически неизменными за последнее десятилетие.

- Гордость за свою этническую принадлежность осталась на прежнем уровне. Большинство респондентов (55% в 2005 году, 53% в 2013 году, 56% в 2014 году) заявляло, что «очень гордится» своей этнической принадлежностью, а около 35-40% - что они ей «в основном гордятся».¹ Эти небольшие различия находятся вполне в рамках погрешности выборки.
- Гражданская гордость возросла, но лишь незначительно. Доля респондентов, которые «очень гордились» быть гражданами России,

¹ Для сравнения изменений этих результатов с течением времени здесь и далее, если не утверждается обратное,

выросла с 44% в 2013 году до 52% в 2014 году, однако это произошло, главным образом, за счет роста числа опрошенных, которой сказали, что были «скорее горды, чем нет» своим российским гражданством. Разрыв между долей гордившихся российским гражданством респондентов в целом и теми, кто такой гордости не испытывал, оставался примерно таким же как и ранее. Учитывая масштаб произошедших в 2014 году событий, эти данные едва ли свидетельствуют о мощном всплеске национализма в обществе.

- Поддержка привилегий для национального большинства (т.е., русских) оставалось стабильным. Порядка трёх четвертей респондентов в 2013 и 2014 годах полагали, что ключевые посты в правительстве должны занимать в первую очередь русские по национальности: полностью поддержали эту идею соответственно 39% и 40% респондентов. Примерно половина респондентов в обоих опросах согласилась полностью с тем, что «русский народ должен играть ведущую роль в российском государстве». Еще порядка одной трети респондентов поддержали этот тезис частично. Долговременная устойчивость права на привилегированное положение русских также отражается в поддержке лозунга «Россия для русских»: 63-66% респондентов поддержали этот лозунг полностью или частично в 2005, 2013 и 2014 году.
- Восприятие национальной самобытности России изменилось мало. Как в 2013, так и в 2014 году большинство респондентов (около 35%) считало Россию уникальной, не западной и не восточной цивилизацией.
- Даже восприятие того как России следует относиться к Западу радикально не трансформировалось, хотя последний опрос и зафиксировал умеренный сдвиг в сторону враждебности. Если в 2013 году 60% сочли, что России следует относиться к Западу как к «партнеру», а 13% - как к другу, то в 2014 году эти показатели упали до 51% и 8% соответственно. Тем не менее, в совокупности эти ответы по-прежнему дают заметное большинство населения России (и при учете отказавшихся ответить на этот вопрос картина принципиально не меняется). Даже в 2014 году доля россиян, считавших, что к Западу следует относиться как к «врагу» составляла всего 13% (этот показатель вырос с 5% в 2013 году), в то время как 27% сказали, что Запад следует рассматривать как «соперника» (в 2013 г. было 22%).

Другие важные индикаторы националистических взглядов изменились более отчетливо, но разнонаправленно. С одной стороны, ксенофобная враждебность несколько усилилась, в то время как восприятие этнических украинцев в качестве «братского народа» существенно ослабло (это старое имперское и советское понятие стало частью конструирования Кремлем мотивов аннексии Крыма). С

другой стороны, позитивное отношение к национальному разнообразию России возросло, а поддержка дальнейшей территориальной экспансии России сократилась.

- Доля респондентов, поддерживающих депортацию всех мигрантов из России – легальных и нелегальных, а также их детей – выросла с 44% в 2005 до 51% в 2014. Эта разница превышает сумму погрешностей выборок. Однако, приводимые цифры отражают как полную, так и частичную поддержку этого требования, тогда как число тех, кто поддерживает эту радикальную меру безоговорочно осталось практически неизменным с 2005 г. (примерно 23%). А основное увеличение уровня частичной поддержки поголовной депортации мигрантов, по всей видимости, имело место ещё до событий 2014 года, поскольку с 2013 по 2014 гг. такая поддержка увеличилась лишь на 4%, то есть в рамках погрешности выборки.
- Доля респондентов, решительно возражающих против вступления членами своих семей в браки с украинцами из числа мигрантов, резко увеличилась: с 28% в 2013 г. до 42% в 2014 г. Значение данного показателя является, однако, аномальным на фоне общей тенденции несколько большего принятия этнически нерусских мигрантов в качестве брачных партнеров. В этом смысле российские респонденты как бы “отказались от братства” с украинцами (**график 1**), но не с другими группами. Более того, незначительность изменения уровня неприятия браков с нерусскими мигрантами в среднем в период с 2005 по 2013 гг., дает основания предполагать, что этот отказ от русско-украинского “братства” был свидетельством изменения характера российско-украинских отношений с 2013 года.²
- В 2014 году больше респондентов чем в 2013 году утверждало, что национальное разнообразие скорее укрепляет, чем ослабляет Россию. Данные опроса 2005 года указывают на то, что наиболее значительный сдвиг в осмыслении данной проблемы произошёл между серединой 2013 и концом 2014 года. Доля респондентов, считавших, что понятие «русские» относится исключительно к русским по национальности, упала с 42% в 2013 году до 30% в 2014 году.
- В то же время россияне по-прежнему с осторожностью относились к перспективе включения представителей других этнических групп в свое государство посредством территориальной экспансии. С 2013 по 2014 год доля респондентов, поддерживающих расширение территории России в

² Имеющиеся данные опроса Левада-центра 2005 года касались чеченцев, китайцев, армян и азербайджанцев.

форме включения Украины и Белоруссии в Союз славянских государств либо объединения всех бывших республик Советского Союза в единое государство, сократилась с 47% до 38%. В 2013 году большинство россиян (56%) поддерживало какую-либо из форм территориального расширения, в то время как в 2014 году относительное большинство (около 45%) высказывалось за сохранение статус-кво. (**График 2**).

Уровень сплочённости вокруг лидера: по-настоящему значительный рост

Главным бенефициарием реального изменения российского общественного мнения в период с 2013 по 2014 год стал лидер страны – Владимир Путин. Показатели готовности голосовать за Путина, позитивные оценки путинской системы правления и использования Путиным национализма поразительно увеличились. Опросы NEORUSS показывают, что эффект «сплочения вокруг Путина» оказался устойчивым, действуя более 8 месяцев после аннексии Крыма и несколько месяцев после того, как россияне начали испытывать экономические проблемы, связанные с падающими ценами на нефть и экономическими санкциями Запада.

- Доля респондентов, заявивших, что они проголосовали бы за Путина, если бы президентские выборы происходили в день проведения опроса, взлетела с 40% в 2013 году до впечатляющих 68% в 2014 году (График 3). Поддержка Путина увеличилась не только за счет почти всех остальных потенциальных кандидатов (включая печально знаменитого ультранационалиста Владимира Жириновского), но и сокращения доли тех респондентов, которые заявили, что они не стали бы голосовать.
- Восприятие политической системы России изменилось с преимущественно негативного к преимущественно позитивному. Когда респондентов просили оценить «политическую систему которая существует в вашей стране сейчас» по шкале от 1 (очень плохо) до 10 (очень хорошо), средняя оценка возросла с 3,3 в 2013 году до 6.0 в 2014 году.
- Доверие к Путину как к лидеру, который способен эффективно решать национальные вопросы также возросло. В 2013 году лишь 14% респондентов назвали Путина наиболее компетентным защитником и покровителем национальной идентичности России в ряду вероятных кандидатов в президенты; он лишь незначительно опередил таких лидеров как получивший 9% поддержки Жириновский. В 2014 году 34% респондентов выбрали Путина и лишь 4% - Жириновского. В то же время, доля заявивших, что на этот вопрос трудно ответить в 2014 уменьшилась с 27% до 18% по сравнению с предыдущим годом. Аналогично, доля респондентов, считавших Путина наиболее компетентным среди российских

политиков в вопросе решения проблем миграции из Центральной Азии, Закавказья и Китая, увеличилась с 15% до 32%.

Экономические тучи сгущаются над парадом

Принимая во внимание стремление Путина использовать имевший место ранее устойчивый экономический рост России как важный источник легитимности своего правления, данные опроса NEORUSS дают основания предполагать, что эффект сплочения вокруг лидера может ослабляться по мере того, как эйфория по поводу Крыма будет уходить в прошлое. Обращает на себя особое внимание то обстоятельство, что оценки россиянами экономической ситуации в своей стране и благосостояния своих семей значительно ухудшились в период между маем 2013 и ноябрем 2014 года. Многие россияне, по крайней мере, частично связывают этот спад с последствиями аннексии Крыма.

- В мае 2013 года большинство опрошенных (54%) полагало, что состояние экономики России за прошедший год оставалась без изменений, 19% считали, что оно улучшилось, а 21% полагали, что оно ухудшилось. Полтора года спустя большинство респондентов (55%) считали, что состояние российской экономики ухудшилось за последний год, 9% опрошенных заметили улучшения, а 30% сочли, что изменений не произошло.
- Таким же образом изменились и оценки респондентами материального положения своих семей за предыдущий год. В 2013 году 19% отмечали улучшение, 60% не ощущали перемен, а 18% заметили ухудшение. К концу 2014 года уже 45% опрошенных выражали недовольство материальным положением в семье, лишь 8% отмечали улучшение, а 42% сказали, что не почувствовали перемен за прошедший год.
- Опрос NEORUSS также имел целью оценить, ощутили ли россияне на себе какие-либо негативные последствия присоединения Крыма. Ввиду того, что искренность ответов респондентов на подобные вопросы может вызвать определённые сомнения, интервьюированных спрашивали об этом как прямо, но так и с использованием метода косвенных вопросов (техники списочного эксперимента ICT, позволяющей исследователям оценить долю придерживающихся каких-либо взглядов людей, без необходимости побуждать опрашиваемых к прямому высказыванию данных взглядов). Сведённые воедино данные обоих методик опроса показали, что для значительной доли респондентов (от 38 до 55%) «присоединение Крыма обойдется для России слишком дорого», что едва ли служит хорошим предзнаменованием для Кремля. По меньшей мере, эти выводы

высвечивают противоречивость настроений, являющиеся результатом столкновения, с одной стороны, возросшей гордости за руководство страны, а с другой стороны, неоднозначности оценок экономической ситуации.

Выводы

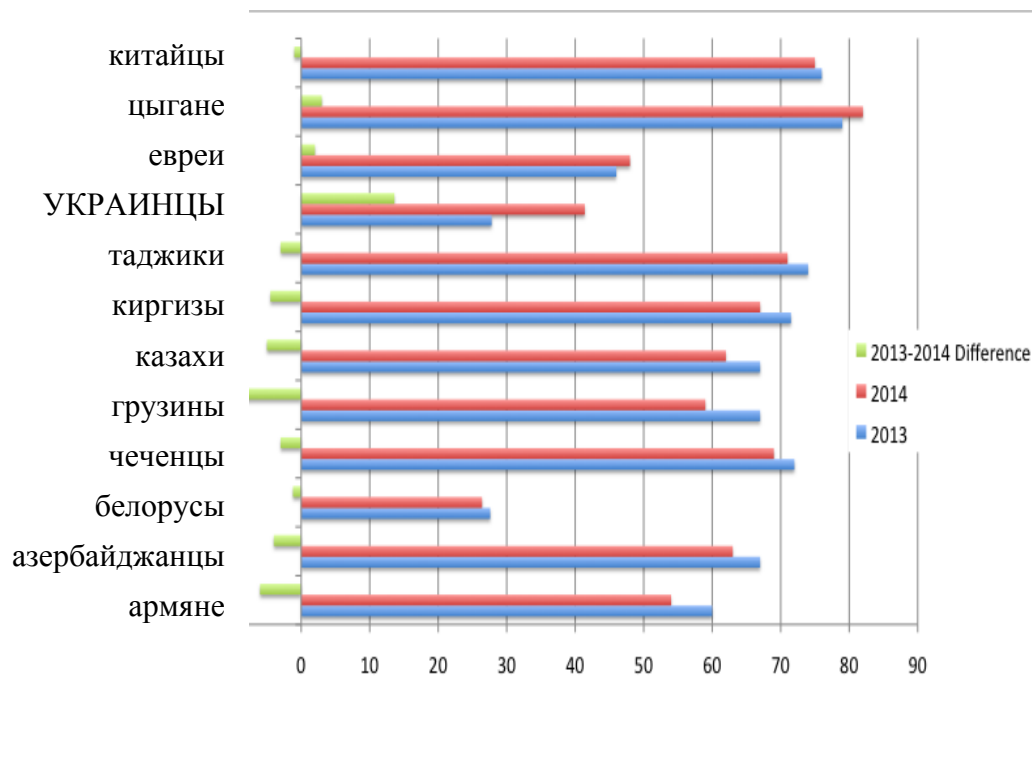
Результаты опросов NEORUSS показывают, что было бы ошибкой объяснять произошедшие в российском общественном мнении в 2014 г. сдвиги резким ростом этнического или иного национализма. Вместо этого, данный сдвиг следует преимущественно рассматривать в качестве эффекта «сплочения вокруг лидера». Это имеет существенные последствия как для наблюдателей, так и для участников политического процесса. Прежде всего, это означает, что энергичная внешняя политика Путина не породила новой волны национализма, убыли которого до «нормального» уровня можно было бы ожидать впоследствии. Вместо этого, Путин воспользовался потенциалом уже сильного к тому времени русского национализма, мобилизовав его в свою пользу намного интенсивнее, чем ранее. Он также очевидно набрал «очки за лидерство» – поддержку, порожденную скорее имиджем динамичного и решительного лидера, нежели какими бы то ни было определенными действиями (что долгое время служило опорой его популярности, но по-видимому перестало приносить прежний эффект 2012 г.). Дальнейшие вопросы, которыми следует задаться интересующимся российской политикой, следующие: 1) Сохранит ли Путин возросшую поддержку на базе русского национализма, или национализм начнет работать против него? 2) Сможет ли со временем воздействие других факторов нейтрализовать или подорвать наблюдаемый нами ныне эффект сплочения?

Относительно первого вопроса из исследования NEORUSS следует, что Путину будет трудно сохранить поддержку националистов, поскольку сами националисты разделились. В то время как одни всё ещё поддерживают экспансию России в границах бывшего СССР (таких людей можно назвать «империалистами»), другие (которых можно назвать «ксенофобами») не только выступают против этого, но и желают депортации тех мигрантов из постсоветских государств, которые уже находятся в России. События 2014 года, похоже, несколько умерили ксенофобию и способствовали сокращению поддержки территориальной экспансии. Тем не менее, доли как ксенофобов, так и империалистов остаются значительными, и, если они вновь возрастут до уровня, предшествовавшего 2014 году, Путин столкнется с проблемами примирения данных точек зрения. Кроме того, выявленный опросом рост враждебности отношения к украинцам по национальности также может осложнить отношения России с важным соседним государством в будущем. Однако, учитывая ещё один вывод, в соответствии с которым российское общество в целом поверило изображающими Украину в качестве слабого и нелегитимного

государства прокремлёвским СМИ, можно допустить, что Путин сумеет преодолеть эти проблемы с помощью новых крупных пропагандистских кампаний.

Что касается второго вопроса, то зафиксированная исследованием озабоченность по поводу экономической ситуации в стране указывает на то, что в один прекрасный день люди могут сказать руководителям страны: «Да, мы рады возвращению Крыма, но теперь это в прошлом, и мы по-прежнему хотим улучшения экономики». В ответ Кремль может попытаться предложить россиянам дополнительные территории вместо экономического развития в надежде, что это вновь отвлечет их политическое внимание от материальных забот. Однако, учитывая спад поддержки расширения территории России после 2013 года, далеко не факт, что такая политика сработает так, как на то надеется Кремль. Конечно, руководство России обладает множеством других рычагов по формированию общественного мнения, включая жесткий контроль над политическим вещанием влиятельных российских телеканалов; но тяжёлые экономические реалии в самой России (или значительный рост числа жертв вооруженного конфликта в Украине среди россиян) будет труднее скрывать или обыгрывать, нежели события в других, даже соседних, странах. В целом, опросы NEORUSS показывают, что Кремль оказался успешным, главным образом, в создании довольно ограниченного эффекта сплочения, но не в фундаментальной трансформации общественного мнения, которое работало бы на пользу нынешнего руководства в долговременной перспективе. Таким образом, хотя общественное мнение скорее помогало, чем препятствовало присоединению Крыма, неясно насколько подобный эффект может снова иметь место в случае экспансии на другие территории.

График 1. Доля респондентов, решительно возражающих против заключения членами своих семей браков с мигрантами других национальностей

Примечание: Ответы «не знаю» и «отказываюсь отвечать» в данных расчётах не учитывались. Число ответов «не знаю» и отказов варьировались по этническим группам за два года не более чем на пару процентов. Доля утверждавших, что этничность не имеет значения при выборе брачного партнёра, была постоянной, а, следовательно, в расчёт не принималась, поскольку выбравшим данный вариант респондентам не задавали вопросов о каждой этнической группе в отдельности. В целом, из приведённых выше расчётов было исключено 28% выборки 2013 года и около 20% выборки 2014 года.

График 2. Какими должны быть границы России?

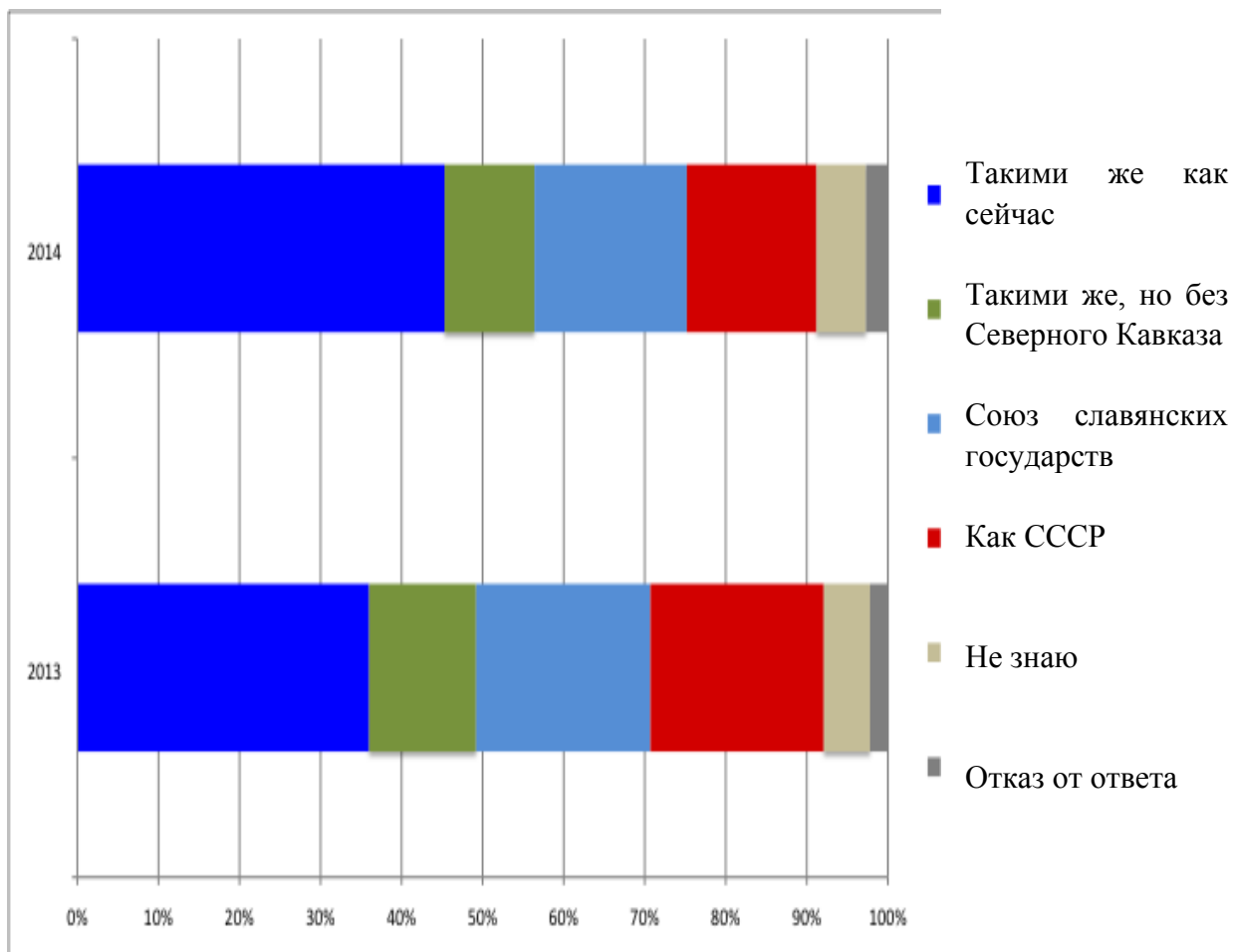
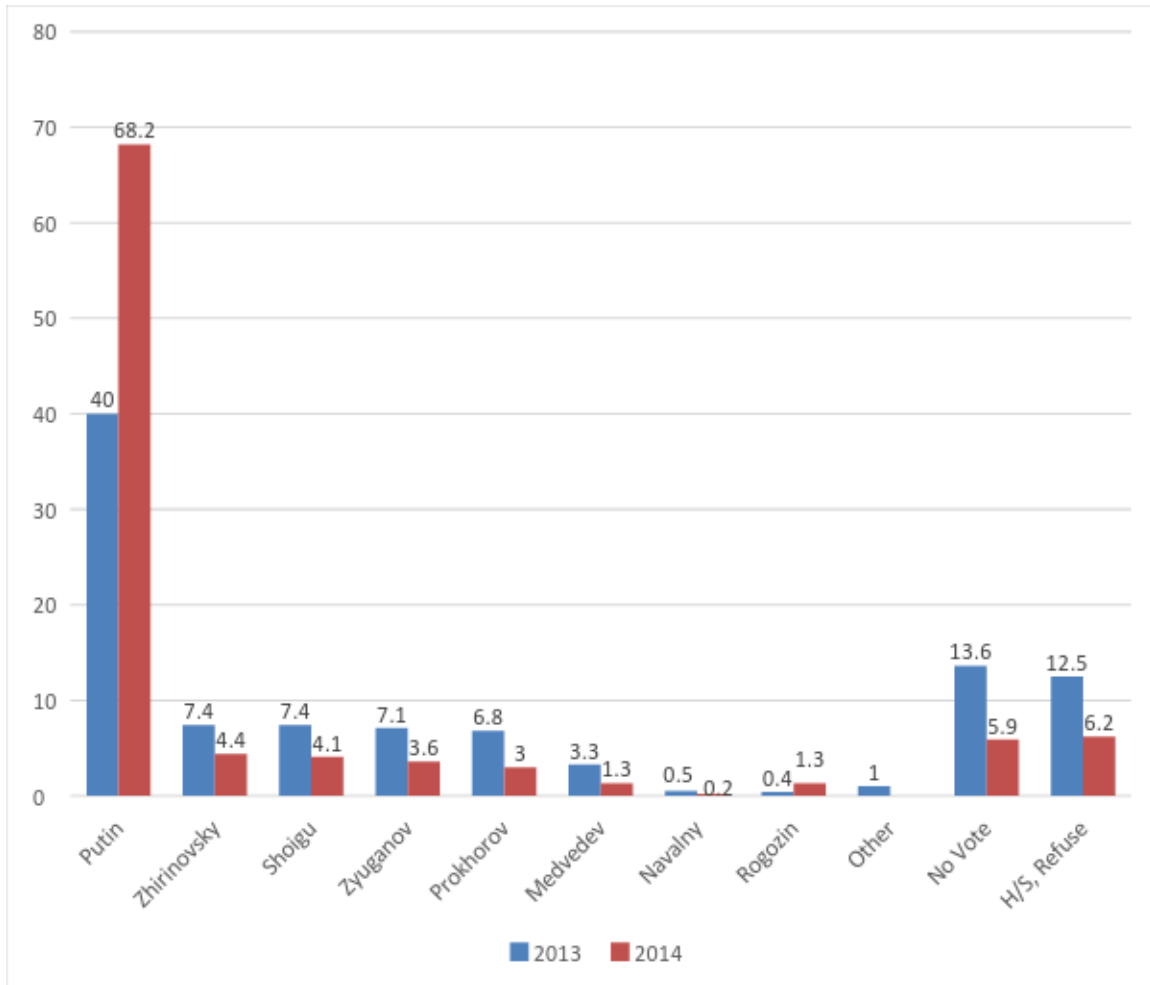

График 3. «Если бы сегодня состоялись выборы Президента России, за кого бы Вы проголосовали?» (процент всего взрослого населения)

Elliott School of International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
 E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
 ● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org